

Нарисовав общую картину литературного «запустения», автор острее своей сатиры направляет против двух жанров современной сентиментальной литературы, против романа и стихотворных идиллий. И тот и другой жанры возмущают его за несоответствие жизненной правде. «Извините меня, — говорит автор, — что я до романов не охотник и чувствую к ним отвращение. Романические герои описаны таким образом, что всю свою жизнь проводят в приключениях, не пьют, не едят и питаются одною токмо любовью. Нет, господа романисты! не желаю никогда быть вашим героем. Вкусной и сытной кусок для меня лучше всех ваших Луциндоров. Вы же, господа стихотворцы, изображаете природу, луга, поля, шумящие источники, цветы, деревья, горы и болота лучшим и приятнейшим для человека утешением, красавиц ваших заставляете спать под древесною тению или на бережку журчащего кристалловидного ручья. Как прекрасно там для них покоиться? Цветы их целуют, источники прохлаждают, а деревья прикрывают своею тению. Но что за черт поселил вам такой вздор в голову?»⁵⁵

И далее автор говорит о том, что было бы в действительности с людьми, если бы они и впрямь, поверив стихам, стали себя вести так, как там описано: «Некогда одна девушка, сошедшая с ума от романов, легла на лужку под деревом, вображая себе, что цветы придут к ней давать поцелуи; но, напротив того, посетили ее бесчисленные кучи муравьев, жуков и козявок, которые начали ее целовать своим манером. Бедная девка вскочила, как бешеная, и не знала, куда деваться. Вот тебе цветочные поцелуи!»⁵⁶

Заканчивается статья картиной жизни и быта русской женщины, картиной, носящей явно выраженный реалистический характер: «Не кажитесь мне на глаза с вашими стихотворческими небылицами. Мы, обитая в холодном северном климате, привыкли целовать наших красавиц в теплых покоях, девушки же наши должны мыть, шить, стряпать и смотреть за домашним хозяйством. Такое упражнение для них здоровее, нежели спать под деревом и давать себя целовать комарам и прочим насекомым».⁵⁷ Указать конкретно, против кого в данном случае выступает автор сатиры, не представляется возможным по той причине, что подобная идеализация как в романах, так и в стихотворных произведениях, была присуща не какому-нибудь одному писателю, а всей совокупности литераторов, примыкавших к субъективному крылу русского сентиментализма. В этой связи можно назвать произве-

⁵⁵ Там же, стр. 121—122.

⁵⁶ Там же, стр. 122.

⁵⁷ Там же, стр. 122—123.